

такъ умѣть искусно представлять ее! Но вотъ я облизилась съ нею, и, знаете, она много читаетъ. Надъ такими вопросами задумывается... пространство, время, субстанція и, кажется эквивалентъ, и ужъ я не знаю чтѣ—потому что ее трудно понять. Она какъ пойдетъ о разумѣ говорить! Она все глубоко принимаетъ... къ сердцу.

Жюли вдругъ подошла, обняла Раису и стала съ увлеченіемъ цѣловать ее за наслажденіе, доставленное ей игрою. Лицо ея сіяло радостью, и она по-французски сказала чтѣ-то Раисѣ. Та пожала плечами. Жюли повторила свои слова.

— Ахъ, ей пришли новыя мысли, благодаря музыкѣ!—перевела Раиса, обращаясь къ Никодиму Павловичу.

Она, въ свою очередь, поцѣловала Жюли и сказала:

— Вотъ вы, Никодимъ Павловичъ, поговорите съ нею о философіи.

„Какъ же я буду съ ней говорить?“ — съ недоумѣніемъ подумалъ Прягинъ.

— Julie, voilà un esprit philosophique и Никодимъ Павловичъ!—крикнула Раиса въ ухо косноязычной дѣвушкѣ и указала ей на мѣсто возлѣ Прягина.

Жюли сѣла и, несимметрично нахмуривъ свои красивыя темныя брови, спросила:

— Вы любите мыслить?

— Мыслить? Когда-то я часто резонировать, нѣкоторымъ образомъ по обязанности, какъ старый другъ, и вотъ Раиса Николаевна выдумала, что я философъ. Былъ грѣхъ, впрочемъ: взять я Канта въ руки, но ничего не понималъ. Давно ужъ!

Жюли не слышала, чтѣ говорить Никодимъ Павловичъ, потому что онъ говорилъ недостаточно громко. Она старалась угадать смыслъ его рѣчи по движенію губъ. Потомъ Жюли показалось, что она поняла: онъ говоритъ о томъ, чтѣ разумѣлъ Кантъ подъ музыкальными звуками. Она сдѣлала большіе глаза, такъ какъ нигдѣ объ этомъ не читала. Ей было любопытно, и она еще сильнѣе изогнула свои брови, внимательно слушая Никодима Павловича даже тогда, когда онъ замолчалъ.

— Гдѣ это?—спросила она.

— Что гдѣ?

— Въ „Критикѣ чистаго разума“? — продолжала интересоваться Жюли мнѣніемъ Канта о музыкальных звукахъ.

— Говорите съ нею громче! Кричите!—посоветовала Раиса, которой очень хотѣлось, чтобы Никодимъ Павловичъ убѣдился, какъ философски образована Жюли.